

Александр ЛЕЙФЕР

«ГРИБНОЙ СУП» И ДРУГИЕ НОВЕЛЛЫ

К СВОИМ ВЯТСКИМ ПОЛЯНАМ

Не слышал я (может, пропустил?), чтоб как-то отметили у нас юбилей омского писателя Бориса Малочевского (1923—1997). А в апреле 2013-го ему исполнилось бы 90 лет.

Человеком он был закрытым, внешне неброским. Закончил филфак нашего Омского пединститута, военное училище. Демобилизовавшись, вначале преподавал, затем поступил в редакцию «Молодого сибиряка», вскоре стал ответственным секретарём газеты. О его строгости на этом посту, о его доскональном знании профессии газетчика мне не раз рассказывал работавший с ним в молодые годы журналист Валерий Зиняков, с которым мы были друзьями. Потом в течение многих лет Борис Александрович являлся собственным корреспондентом московской «Медицинской газеты». Рассказы начал печатать ещё в середине 50-х. И среди них немало таких, которые и сегодня читаются без всякого «напряга».

Хорошо помню, как в конце 60-х он, уже член Союза писателей, поддержал только что приехавшего в Омск Михаила Малиновского, тогда ещё ходившего в «молодых литераторах». Ещё говорят (это уже на уровне легенды), что в середине 70-х годов, воспользовавшись своим статусом корреспондента центральной газеты, Б. Малочевский заставил администрацию туберкулёзной больницы принять на лечение Аркадия Кутилова — того из-за его бомжевания брать в медучреждение не хотели; вполне можно предположить, что это продлило Аркадию жизнь, — ведь тогда ему сделали удачную операцию, которая на время приостановила процесс, и поэт протянул ещё десять лет.

Знал я Бориса Александровича много лет, относился он ко мне благожелательно, но ни в каких дружеских отношениях мы не находились. Только один раз оказался я у него дома — когда в 1983 году по заданию газеты брал у писателя интервью. Жил он на улице Десятилетия Октября — над известным тогда каждому в Омске книжным магазином «Подписные издания». А нынче, решив немного написать о Борисе Александровиче, я разыскал в своей библиотеке его изданную ещё в 1980 году небольшую книжку «Вятские поляны». Так называется и открывающая её повесть. Которая мне лично из написанного Б. Малочевским нравится больше всего.

О чём эта повесть? Если внешне, то о коротком отрезке жизни скромной провинциальной девушки — железнодорожной кассирши Лёли. «Все Лёлины дни похожи один на другой, ничего не менялось, менялись только времена года: зима — весна — лето — осень». Это первая фраза повести. Фраза, которая, пожалуй, иного читателя и отпугнуть может: для чего же дальше читать, если «ничего не менялось»?

„Сибирские огни“, 12, 2013

А с другой стороны — повесть своеобразно рассказывает и о жизни страны. О жизни, проявившейся в судьбах Лёли и других героев произведения. Это закономерно. Настоящий писатель, говоря о малом, всегда имеет в виду и большое.

1953 год, потрясшая всех смерть диктатора. Б. Малочевский хорошо сумел передать атмосферу той весны, атмосферу тревожного и в то же время радостного ожидания перемен. Постепенно, от страницы к странице знакомимся мы с героиней повести и так же постепенно начинаем проникаться симпатией к ней, уважать. Стойко переносит Лёля бесславное крушение своего первого чувства. Красавец Геннадий оказался заурядным сердцеедом, стремящимся во что бы то ни стало «на все сто» провести двенадцать дней профсоюзного отдыха. Лёля мечтательна и романтична. Вслушиваясь в названия незнакомых железнодорожных станций, она начинает представлять себе, как там живут люди, там — на далёкой станции Ерофей Павлович, в городке Аркадак, на разъезде Бобр... И почему-то «чаще и сильнее всего остального влекли Лёлю к себе Вятские Поляны». Лёля симпатична и внешне: у неё «пышные волосы каштанового цвета, и чистое лицо, и ясные сероватые глаза, и хороший рост». Всё это очень нравится человеку, который появляется в её жизни, — Василию Макаровичу Вовкодавенко.

Действующих лиц в повести немного. И после Лёли наиболее подробно и интересно разработан этот образ. Вовкодавенко — завхоз вокзала, а также знакомый Лёлиной тётки, которая в потенциальном родственнике души не чаёт. Это фигура — тут ничего не скажешь. Человек не без «философии». «Надо, чтобы дистанция существовала, — рассуждает он. — Того, кто к тебе за чем-нибудь обращается — всё равно за чем: хоть за билетом, хоть за мясом, — надо, Лёленька, всегда на расстоянии от себя держать, раз он в тебе нуждается и от тебя зависит. Иначе сразу же охамеет человек!» Вовкодавенко, как и тысячи других людей, потрясён смертью вождя, вначале плохо представляет себе, как без него жить дальше. Он раздражён переменами, происходящими вокруг. Например, он крайне возмущён тем, что переоборудовано его любимое детище — железнодорожные кассы, где деньги и билеты передавались через лоток, а кассир и пассажиры видели только руки друг друга. В новых же кассах между кассиром и пассажирами лишь стекло, — всё видно, всё открыто. И Вовкодавенко возмущён: «Только не стало хозяина, который всех на дистанциях держал, смертный пот ещё на нём не высох, — и что пошло? Уже охамели люди». Вот и встречаются два таких разных человека — романтическая, мечтательная Лёля и уверенный в себе и в том, что он знает жизнь, Василий Макарович. И Лёля, подавленная кажущейся ей бесперспективностью собственной судьбы, вначале покорно следует за новоявленным женихом.

Повесть «Вятские поляны» была первой у Бориса Малочевского, до этого он писал только рассказы. И выдержана она на какой-то особой, негромкой и тёплой ноте. Да, негромкость — вот, пожалуй, именно то слово, которым можно определить интонацию «Вятских полян». Может быть, это оттого, что негромка была вначале сама жизнь главной героини. Сказано «была» потому, что от страницы к странице Лёля всё пристальнее вглядывается в окружающих и окружающее, в саму себя. И совершает поступок, невероятный с точки зрения так называемого здравого смысла: рушит собственную свадьбу, когда для торжества уже и баранина с водкой заготовлены, и гости позваны. Это именно поступок, и вместе с автором веришь, что он-то и сделает громче и осмысленнее Лёлину жизнь, что не за горами у неё свои Вятские Поляны, своё счастье. А неудавшийся жених воспринимает крушение свадьбы как бунт, как вызов, брошенный не только ему лично, но и всему обществу. «Вы у меня ещё попрыгаете, — кричит он. — Думаете, если хозяина нет, так вы, сопливые ещё, уже сами с усами? Не выйдет!»

...Пожалуй, не преувеличу, если скажу, что в этой повести писатель проявил главные качества своего таланта: умение тонко подметить детали окружающего, видеть за обычными, бытовыми явлениями и случаями события крупномасштабные, волнующие многих людей.

И ещё об одном — о том, что большинство произведений Б. Малочевского населяют простые, обычные люди. Он много ездил по стране, хорошо знал их и с любовью описывал в своей прозе. В его автобиографическом эссе «О ненаписанном» говорится об этом следующее: обыкновенный человек «потому и обыкновенен, что трудно провести грань, где кончается его долг и начинается его подвиг. Но, чёрт возьми, как нелегко писать об обыкновенных людях! Наверное, так же, как и о великих, ей-богу, не легче» («Писатели о себе». Новосибирск, 1966).

Мне удалось немного посотрудничать с Б. Малочевским уже в новые времена — когда мы начали выпускать альманах «Складчина». Для третьего его выпуска (1997 г.) писатель дал рассказ «Мечта Димки Воронова». Хороший, добротный и умный рассказ, ещё раз показывающий, что Б. Малочевский чётко чувствует нерв времени. Но, увы — фамилия автора забрана в альманахе чёрной рамкой, выхода «Складчины» из типографии он совсем немного не дождался. Я передал несколько экземпляров вдове писателя — суровой, немногословной даме, которая, как рассказывали, была во время войны фронтовым хирургом.

БИБЛИОТЕКА НИКОЛАЯ КОЛЫЧЕВА

Хочу рассказать о человеке, который без лишнего шума и пиара построил вторую (после областной Пушкинской) по своему размеру и технической оснащённости омскую библиотеку. Уверен, что не все её и в Омске-то видели. Это Научная сельскохозяйственная библиотека Омского аграрного университета. И вот что вспоминает главный инициатор строительства библиотеки — экс-ректор университета Николай Матвеевич Колычев: «Построить библиотеку “самую-самую” было моей давней мечтой. И она прорвалась наружу на одном из учёных советов. Я объявил о необходимости строительства библиотеки, не имея ни рубля даже на проект — настолько было сильно моё желание, настолько верил, что мы построим! Влекомый этой необузданной идеей, в порыве страсти (не будем подбирать слова — не столь важно) первым вложил в эту свою идею весь свой месячный заработок. Не знаю, какой эффект испытали в тот момент мои коллеги, но я испытал огромную искреннюю радость, до слёз разволновался, когда мои первые помощники в этом меня поддержали. Так появились первые средства, что позволило начать разработку технической документации...

...А мы активно продолжили сбор средств — прежде откликнулись бывшие выпускники нашего вуза, преподаватели и студенты. Никого, тем более студентов — не принуждали. Несли добровольно. Многие “спонсоры” — будучи руководителями строительных и прочих компаний, предлагали безвозмездно “кто чем богат”: кирпич, цемент, даже, помнится, зерно. Огромное им спасибо. Особое спасибо Л. К. Полежаеву — выпускнику нашего вуза. Будучи тогда губернатором, что немало важно здесь отметить, он не просто по “служебным обязанностям” обратил внимание на нашу инициативу, а, уверенно заявляю, искренне, по внутреннему побуждению, принимал личное участие в строительстве. <...> Губернатор в тот же месяц перечислил 15 миллионов рублей — он умеет слово держать. А там и из Москвы деньги пришли» (Из сборника «Это нашей истории строки (Омскому государственному аграрному университету — 90)». Омск, 2008).

Заселять новое здание библиотеки стали в 2010 году. Ещё в декабре предыдущего года наша писательская организация проводила семинар молодых авторов в старом здании. В нём было холодновато, мрачновато. Потолок одного из залов на всякий случай подпирали брёвна, недаром вскоре в здание перестали пускать не только читателей, но и персонал. А в мае 2010-го вышел альманах «Складчина», целиком составленный из произведений «семинаристов», и его презентация состоялась уже в новом шикарном здании. Перед началом презентации нам устроили что-то вроде экскурсии — провели по основным помещениям, показали знаменитую пермскую мебель, десятки уже установленных и ещё не распакованных компьютеров (всего их в библиотеке более 150-ти).

О том, что представляет собой библиотека, сказано на её сайте: «Научная сельскохозяйственная библиотека (<http://lib.omgau.ru>) создана в 1918 году и является старейшей вузовской сельскохозяйственной библиотекой в Сибири. Общее количество единиц хранения составляет более 900 тысяч экземпляров. Особую ценность представляет фонд редких книг, насчитывающий свыше 6000 документов — это издания XVI — начала XX веков на русском и иностранных языках. Электронные ресурсы библиотеки представлены внутренними и внешними полнотекстовыми, библиографическими базами данных. Библиотека Омского аграрного университета как хранитель изданий, имеющих общественно значимую научную, историко-культурную ценность, включена в “Общероссийский свод книжных памятников”».

Сегодня Николай Матвеевич уже не ректор ОмГАУ, просто преподаёт в нём свою ветеринарию. Занят другими делами и заботами. А библиотека стоит, выполняет свою замечательную работу. И будет стоять ещё много, много лет и десятилетий.

Родился Н. М. Колычев в 1940 году в райцентре Омутинское Тюменской области. После 8 класса начинал учиться в техникуме, но окончить его не удалось из-за семейных обстоятельств. Работал землекопом, бригадиром и агентом по снабжению в Тюменском стройтресте, потом электромонтажником в СМУ-3. Среднее образование получил в школе рабочей молодежи в 1959 году, а в 1960 г. поступил в Омский ветеринарный институт. Во время обучения подрабатывал в ночных бригадах в горводоканале, на пятом курсе устроился туда начальником мехмастерских. В 1965-м после окончания ветинститута по личному желанию попал в Князевский совхоз Называевского района Омской области, работал там главным ветеринарным врачом. В 1968-м поступил в аспирантуру кафедры микробиологии, вирусологии и иммунологии ветинститута. В 1971-м защитил кандидатскую диссертацию, а в 1984-м — докторскую. Работал ассистентом, старшим преподавателем, секретарем парткома ветинститута, проректором по учебной работе. В 1985-м был избран ректором ветинститута. С 1994 года по январь 2010-го — ректор Омского государственного аграрного университета.

Доктор ветеринарных наук, награждён орденом Почёта, золотой медалью «За особые заслуги перед Омской областью», имеет звания «Заслуженный деятель науки РФ» и «Почётный работник высшего профессионального образования России». Академик Международной академии высшей школы, автор более 300 научных трудов, в том числе 6 монографий, 5 патентов на изобретения и более 10 учебников и учебных пособий. Автор книги «Четверть века и вся жизнь. Воспоминания, размышления, портреты» (Омск, «ЛЕО», 2008).

...В заключение — ещё одна цитата: «Если испугаться, поддаться разрушительной силе кризиса — сомнёт, завалит, как лавина. А если подняться над трудностями, бытовыми мелочами (хоть и цепляют они крепко, не хотят отпускать), не дать им задушить себя в холодных костистых объятиях, то и кризис в какой-то момент увидится своей оборотной стороной — как начало нового дела, новой жизни. Кризис резко обостряет ситуацию, вынуждает сосредоточить все силы в рывок и вынырнуть».

Это тоже из воспоминаний бывшего ректора.

ВСПОМНИМ ВИКТОРА НИКОЛАЕВИЧА

Каждый раз, когда прохожу по второму этажу омского Дома печати мимо кабинета, где когда-то работал художник и фотограф Виктор Резниченко, у меня сжимается сердце. Много лет то и дело забежал я в эту длинную, как пенал, темноватую комнату, где безвылазно — с утра и до вечера — ежедневно трудился её хозяин, заведующий отделом иллюстрации «Омской правды» Виктор Резниченко (1930—1996).

Виктор любил гостей, здесь я встречал его многочисленных друзей. Разумеется, прежде всего это были люди, имеющие отношение к фотографии, — летописец Омского нефтезавода Евгений Мамакин, известный фотохудожник, певец послевоенного Омска Михаил Фрумгарц, вечно куда-то спешащий Ваня Синичкин, немногословный Борис Чигишев — да мало ли кто ещё... Но круг знакомств хозяина этого насквозь прокуренного кабинета не ограничивался только профессиональными интересами. Сюда заходили инженеры с завода им. Баранова, где в военные годы начался трудовой путь Виктора — вначале в литейном цехе, а затем в заводской многотиражной газете. Здесь бывали врачи, приезжие журналисты из районов, офицеры, артисты музыкального театра. Многие любили и ценили Виктора Николаевича, считали за удачу хоть на пять минут забежать к нему — замечательному, остроумному собеседнику, доброжелательному, располагающему к себе человеку.

Родился он в Ленинграде, в 1930-м. В 1941-м вместе с родителями был эвакуирован в Омск. Рисовать любил с детства. Когда 15-летним поступил трудиться в литейку авиазавода им. Баранова, то помимо основной работы выпускал здесь боевые листки «Всё для фронта!», рисовал карикатуры, писал плакаты. В 1960-м году редактор «Омской правды» Иван Дмитриевич Фадеев пригласил Виктора Резниченко в свой

коллектив. Что для журналиста из скромной многотиражки было, конечно же, немалой честью. И. Д. Фадеев имел хороший нюх на хорошие кадры и ошибался редко. В этом издании Резниченко плодотворно проработал 35 лет.

Практически ни один номер газеты не обходился без его «руки». Это снимки, а также многочисленные рисунки — к фельетонам, очеркам, статьям, рассказам, дружеские шаржи, постоянная рубрика «Улыбка художника», праздничные плакаты на первую полосу и т. д., и т. п. — всего и не перечислишь... Не раз я наблюдал, как Виктор, обалдевший от вечной газетной спешки, от своего крепчайшего «Беломора», от телефонных звонков, выскакивал в редакционный коридор с готовым рисунком, хватал любого проходившего мимо человека за рукав и приказывал: «Читай вслух — медленно, громко и по складам!» И тогда на всю редакцию звучало: «С Новым го-дом, до-ро-ги-е то-ва-ри-щи!» или другой какой-нибудь подобный плакатный текст, в котором, увлекшись красотой эксклюзивно рисованного шрифта, вполне можно было пропустить, например, «о» или «а» в слове «товарищи». Ещё и не такое случается в газете...

Неоднократно при мне к Виктору приходили дети или внуки тех, чьи отцы и деды погибли на войне. Нужно было увеличить или просто привести в порядок старую, чаще всего любительскую, фотографию — сделанную на фронте, а то и довоенную, порой единственную, а потому — драгоценную. К таким просьбам он всегда относился с максимальным вниманием, хотя повозиться каждый раз приходилось немало — вначале оригинал переснимался, потом полученный отпечаток ретушировался, а затем переснимался ещё раз, после чего ещё раз печатался. Находилась в кабинете Резниченко достопримечательность, не заметить которую было просто невозможно, — стоящий у входа огромный, почти в рост человека, деревянный ящик. Хранилось в нём настоящее богатство — тассовские фотоснимки, начавшие приходить в редакцию из Москвы ещё в довоенные времена. Их — как прошедшие в газете, так и оказавшиеся «лишними» — хозяин кабинета бережно хранил, сортировал по хронологии, прекрасно понимая, что с каждым годом ценность этой фотолетописи только увеличивается. Сейчас содержимое ящика находится в госархиве.

В последнее время Виктор много занимался ретушированием идущих в газету снимков, делал эту нудную и тонкую работу тщательно, не давая себе никакой поблажки. А потом пришло то, что мы называем сегодня «перестройкой». И вместе со многим нужным и хорошим, «новый НЭП», к сожалению, привнёс в нашу жизнь и немало такого, что переставило куда-то на последние места уважение и бережное отношение к человеку, тактичность, понимание... Всё это заменено теперь показной тягой к «целесообразности» и «оптимизации». Уволен из «Омской правды» Резниченко был резко, грубо, без всякого предупреждения — чуть ли не в самый день своего 65-летия. Пенсионером пробыл меньше года — инфаркт. А я уверен, что в своей насквозь пропахшей куревом, редко проветривавшейся рабочей комнате он, «законсервировавшийся» в такой обстановке, благополучно трудился бы ещё добрый десяток лет...

ИЗ РАССКАЗОВ О ТИМОФЕЕ БЕЛОЗЕРОВЕ

Поэт и Пиночет

Было это 11 сентября 1974 года. В Омской писательской организации, в маленькой темноватой комнате, расположенной возле деревянной покосившейся лестницы, которая вела на второй этаж, сидела небольшая мужская компания. Комнатка эта, находящаяся в некотором отдалении от двух других, где трудилось руководство и где проходили официальные писательские собрания, негласно как раз и предназначалась для таких вот неофициальных посиделок. Здесь и покурить можно было от души, и поговорить на любую тему, и — чего греха таить — сдобрить разговор глотком-другим-третьим какого-нибудь незамысловатого народного напитка, продававшегося неподалёку — в гастрономе на улице Ленина, имевшем из-за своих архитектурных особенностей фольклорное название «кругляк».

Отвлекусь и поясню, что зайдя в эту весьма популярную среди творческой интеллигенции Омска торговую точку, можно было обойти все её прилавки по кругу и

вернуться к входной-выходной двери уже с другого конца. Отсюда и название. В центре этого круга тоже были устроены торговые места. В частности, там всегда угощали соками, и я выпил там не одну, должно быть, сотню стаканов томатного сока, разбалтывая в них перед употреблением немного соли из стоящей тут же полулитровой банки, стоило это полезное удовольствие 10 копеек. Географическое расположение «кругляка» было таково, что в нём часто можно было встретить ту или иную творческую личность. Например, знакомого артиста — неподалёку, в шаговой, так сказать, доступности находились три из четырёх омских театров — драматический, юного зрителя и музыкальной комедии (да и до четвёртого, кукольного, была всего одна остановка). Захаживали сюда также мастера кисти и резца — до Дома художника и художественно-графического факультета пединститута тоже рукой подать. Но ближе всех находились всё-таки писатели — упомянутые в самом начале этого повествования три комнаты издавна были отведены им в угловом двухэтажном купеческом здании на Ленина, 21 — над расположенной внизу общепитовской столовой.

* * *

О том, насколько популярным было данное торговое учреждение в литературной среде, можно судить по следующему примеру. Однажды мы отправились в него с писателем Петром Карякиным. И уже на подходе к крыльцу магазина встретили огромного человека, одетого в синий, выдавший виды рабочий халат. Невольно заставляло внутренне содрогнуться его лицо, вся правая сторона которого была страшно изуродована давним ожогом; правый глаз, который уцелел, видимо, каким-то чудом, смотрел не прямо на тебя, а куда-то в сторону, что ещё больше усугубляло жуткое впечатление.

— Привет! — увидев человека в халате, сказал Пётр Петрович. — Знакомься, — наш молодой литератор.

Я назвал и тоже пожал протянутую огромную руку, вся ладонь которой представляла собой одну большую мозоль. Карякин угостил своего знакомого «Беломором», из их короткого разговора было видно, что знают они друг друга уже давно.

— Наш брат, фронтовик, в танке горел, — пояснил мой спутник, когда мы пошли дальше. — Приятель мой, грузчиком в «кругляке» работает. Помогает, когда надо, с этим делом.

Знакомство, прямо скажем, было завидным: в нашем государстве, периодически устраивающем вокруг торговли «этим делом» запретительные ритуальные танцы, такая помощь всегда была очень даже не лишней.

* * *

Но вернёмся, однако, в 11 сентября 74 года.

Среди нашей небольшой компании был в тот день и известный детский поэт Тимофей Белозёров. Нахохлившийся, тёмнолицый, он сидел в сторонке, у окна, в общем разговоре не участвовал — курил и, судя по всему, был чем-то своим озачочен.

А разговор у нас шёл о Чили. Именно 11 сентября исполнился ровно год, как в этой далёкой южноамериканской стране был совершён кровавый военный переворот. Все газеты Советского Союза (некоторые из них лежали на нашем столе среди пепельниц, бутылок и тарелок с нехитрой закуской) вышли со статьями, напоминающими о трагических событиях, рассказывающими о том, как генерал Пиночет захватывает всё большую власть, устраняет конкурентов, продолжает расстреливать политических противников. Именно об этом главным образом мы и говорили.

— Какой ещё такой Пиночет?! Какая хунта?! — вдруг подал голос Тимофей Максимович. Видимо, он очнулся от своих одиноких дум и прислушался к нашим разговорам.

В комнате установилась недоумённая тишина.

— Ведь там теперь Сальвадор Альенде?! — всё в том же вопросительно-восклицательном тоне продолжал Белозёров.

— Как? Ты что же — не знаешь, что его убили?!

— Кто убил?

— Вот Пиночет и убил. Не сам, конечно, по его приказу.

И мы с горячностью принялись разяснять Тимофею что к чему — произносить имена Пабло Неруды и Виктора Хары, разворачивать газеты, где были фотографии и Альенде, и солдат в касках, и превращённого в концлагерь стадиона в Сантьяго...

* * *

...Часто вспоминаю этой случай. Ведь, пожалуй, для понимания творчества Тимофея Белозёрова он сможет дать не меньше, чем иная умная литературоведческая статья.

В каком исключительно своём — духовно закрытом, интимном — мире нужно было жить этому талантливому человеку в то насковозь политизированное время, чтобы в течение целого года «не пускать» в себя ненужной для его главной, поэтической работы информации. Ведь о Чили то и дело тогда говорили по радио и телевидению, писали в журналах и газетах. Всячески муссируя чилийскую тему, наши СМИ, конечно же, стремились прежде всего «прищучить» главного врага СССР — США, чьи спецслужбы, разумеется, приложили к сентябрьскому перевороту свою руку. И вот всё это прошло мимо поэта, мимо той волшебной кухни, где «варились» его предназначенные детям чудесные стихи.

Грибной суп

Вот убей — не помню, в какой именно город посылали нас тогда с Тимофеем Максимовичем Белозёровым выступать «по линии» Общества книголюбов... Твёрдо помню, что находится этот городок на железной дороге, т. к. и туда, и обратно ехали мы на электричке. Твёрдо уверен также, что был это не Называевск, — в него «пилить» долго, три почти часа, мы же доехали гораздо быстрее. А поскольку в нашей Омской области на железной дороге расположены всего три города (не считая, разумеется, самого Омска), то остаётся всего два варианта — это был либо Калачинск, либо Исилькуль. А вот тот или другой, вспомнить ну никак не могу... Не помню также, где именно выступали мы в самом городе (а ведь выступали же, т. к. пробыли в этой командировке чуть ли не неделю). Но одно выступление, состоявшееся, как любят выражаться жители райцентров, «на периферии», т. е. в каком-то из находящихся неподалёку от данного городка сёл, я запомнил хорошо и ниже расскажу о нём.

Пока же о грибном супе.

В день приезда, устроившись в гостинице, мы перекусили в расположенном на первом этаже ресторане, а потом каждый пошёл по своему маршруту. Я, как всегда, потопал напрямик в книжный магазин, надеясь, что в нём удастся купить что-то такое, чего нет в Омске. А Тимофей, пробормотав: «Пойду просто прогуляюсь», — пошёл в другую сторону. В гостиницу я вернулся расстроенный: книжная охота оказалась неудачной. Времена, когда в райцентрах можно было запросто наткнуться на книжный дефицит, прошли. Теперь и сельский читатель включился во всесоюзную интеллигентскую забаву — погоню за хорошими книжками.

Зато Тимофей пришёл со своей прогулки довольный:

— Представь себе, в здешнем продмаге грибной суп продают! Новосибирский!

— Грибной суп?

— Ну, да! В Омске его чёрта с два купишь...

И он выгрузил из карманов на стол десятка полтора небольших ярких пакетиков.

— Ты что, не ел такой?!

— Да как-то не приходилось...

— Сходи и купи обязательно! Не пожалеешь — вкуснятина невероятная!.. Иди прямо сейчас, пока магазин не закрыли!..

Настроение у моего старшего товарища было явно приподнятое.

Ни за каким супом я, конечно, не пошёл, сказал, что устал, спать хочу.

«На фига мне этот суп?» — думал я про себя. И про себя же удивлялся такой гастрономической страстности Тимофея Максимовича — никогда не приходилось наблюдать его с этой стороны. В кафе Дома актёра, на различных банкетах и тем более во время «творческих» посиделок в писательской организации мы ели по принципу «лопай, что дают» и на эту тему вообще никогда не говорили. А он, оказывается, гурман...

За время нашего пребывания в данном районном городке Тимофей ещё раз два напоминал о том, что мне надо бы сходить в продмаг. И в день отъезда, незадолго до электрички я совсем уже было собрался туда идти, как тут выпал удобный случай потихоньку попросить даму из местного отделения Общества книголюбов составить мне протекцию в книжном магазине. Та прямо при мне сделала соответствующий звонок (мол, продайте нашему гостю что-нибудь из последнего привоза), и я помчался по уже знакомому адресу.

— Ну, купил? — спросил Тимофей, когда я вернулся в гостиницу. Он уже собрался и ждал меня, чтоб вместе идти на вокзал.

— Понимаешь, Тима, — начал оправдываться я, — мне же книжный устроили, вот я там все деньги и просадил, на электричку только и оставил...

— Зря, зря...

Тимофей Максимович был явно раздосадован, чуть ли не расстроен. Во всяком случае, всю дорогу до Омска он предпочёл молчать.

На привокзальную площадь мы выходили через цокольный этаж вокзала, и когда в зале ожидания поравнялись со скамейками, Тимофей остановился возле ближайшей и поставил на неё свой портфель.

— Притормози-ка на минутку, — сказал он мне, и, вынув свёрток с грибным супом, отделил мне половину пакетиков.

Как я не отказывался, подарок был вручён.

Чувствуя себя в чём-то чуть ли не виноватым, я поплёлся к автобусной остановке. Доехав до своих Нефтяников, я тотчас же принялся кашеварить, при этом в точности следовал полученной от Т. М. инструкции: задействовал сразу два пакетика, добавил в кастрюльку пару нашинкованных картофелин, а в самом конце — ещё и репчатого лука, тоже мелко нарезанного. Разлил по тарелкам — себе и отцу, добавил сметаны.

И — честное слово! — ну никакого особенного райского наслаждения не почувствовал: похлёбка и похлёбка, горяче сыро не бывает, — с дороги почему бы не выхлебать... И вообще — отношение моё к еде воспитано, видимо, ещё бабушкой, Глафирой Алексеевной; она, бывало, когда я в детстве начинал за столом капризничать, всегда говорила одно и то же: «Ну-ка, перестань над тарелкой выкомаривать, двадцать первого года на тебя нет! Чем бы брюхо не набито, под рубахой не видеть...»

...А Тимофей, как и обещал, позвонил на следующий же день. И уж тут я не поскупился на комплименты в адрес супа.

— Ну, то-то, а ты не хотел...

На другом конце телефонного провода мной явно были довольны.

* * *

А теперь, поскольку обещал, расскажу, как, выражаясь бюрократическим языком, «в рамках» этой же поездки мы выступали в сельской школе (название села, разумеется, тоже из головы давно уже улетучилось). Хотя вряд ли я смогу своим нехудожественным пером описать это так, как оно того достойно.

...Оказалось, школу эту Тимофей когда-то уже посещал, и нынешний приезд был оговорён заранее. Поэта ждали, готовились, я понял это, едва мы переступили школьный порог: на видном месте висел большой приветственный плакат с его именем. Стены коридора, ведущего в актовый зал, были украшены детскими рисунками, выполненными по мотивам его стихов. В самом зале, кроме рисунков и другого плаката, была устроена ещё и выставка книг Т. М., в нескольких местах висели его большие фотографии. Дети (а собралась вся школа — от первого до одиннадцатого класса) были принаряжены, девочки — в белых фартуках. Играла музыка. Несмотря на зимнее время, были и цветы.

— Тимофей, — растерявшись, предложил я, — может, я того — к зрителям пойду сяду?..

— Нет-нет, этого не поймут: как так — приехал аж из самого Омска, промолчал и уехал? Давай выступай первым, скажи что-нибудь про Достоевского, ты же знаешь — они теперь и его проходят...

Хорошо, у меня с собой были большие фотографии, которые когда-то подарил мне телережиссёр Юрий Шушковский, снявший в своё время документальный фильм о невольном пребывании Фёдора Михайловича в Сибири. С ними мои полча-

са прошли как-то незаметно, и я высвободил оперативный простор для главного гостя.

И тут началось. После короткого слова поэта, его стихи стали читать и петь сами дети. Они делали это сольно, вдвоём, троём и целыми ансамблями. Под музыку и акапельно. Они танцевали, разыгрывали по стихам короткие сценки, выходили на подмостки в костюмах то Огородного Подрастая, то Дяди Гриши-Водовоза, то Буки... Потом они начали дарить Тимофею Максимовичу изготовленные собственными руками подарки — кукол (опять же — Бук и Подрастая, Снеговиков и Лисовинов), какие-то корзиночки, коврики, шкатулки, аппликации, фанерки с выжженными на них картинками, листочки и тетрадки с собственными стихами...

Те, кто постарше, протягивали книжки или блокнотики для автографа, а малыши старались просто подойти поближе и во все глаза смотрели на гостя, наиболее смелые стремились потрогать его за полы и рукава пиджака...

В конце концов, гвалт в зале установился основательный. Но он нисколько не смущал Тимофея. Я внимательно наблюдал и за ним, и постепенно мне стало казаться, что каким-то чудесным образом разгладилась его глубокие морщины, распрямились сутулые плечи, и вообще — он как-то посветлел и даже помолодел лицом. И уж совершенно точно: никогда до этого не видел я его так открыто, искренне и светло улыбающимся. Абсолютно счастливый человек стоял в окружении таких же счастливых мальчишек и девчонок...

...Было это, кажется, где-то во второй половине 70-х.

Что я тогда приобрёл в райцентровском книжном магазине, тоже напрочь не помню...

